

Зулейка Грин: Я Носитель

Эльза Хибалова

Эльза Хибалова

Зулейка Грин: Я Носитель

«Издательские решения»

Хибалова Э.

Зулейка Грин: Я Носитель / Э. Хибалова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-967689-4

С самой глубокой древности наша цивилизация находится под воздействием коварного и умного вируса. Он влияет на человеческое сознание и вмешивается во все сферы жизни, не позволяя человеку жить полноценной и счастливой жизнью. Как победить невидимый вирус? Как избавиться от его тысячелетнего гнета? Для этого и появляются на земле Носители антивируса. Обладательница необычной комбинации генов Зулейка оказывается под прицелом внимания разнородных сил и в гуще необъяснимых событий.

ISBN 978-5-44-967689-4

© Хибалова Э.
© Издательские решения

Содержание

ЧАСТЬ 1	6
1	6
2 ТИНА	9
3	18
4	20
5	23
6	26
7	30
8	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Зулейка Грин: Я Носитель

Эльза Хибалова

© Эльза Хибалова, 2019

ISBN 978-5-4496-7689-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Эта книга посвящается всем, кто задает вопросы и

ищет на них ответы. Всем, кто стоит на пороге

трансформации. Пусть их немного, но они есть.

Более того, их количество неуклонно возрастает под

безжалостным натиском эволюции.

Пишу в спешке, так как очень боюсь опоздать.

И дай Бог, чтобы мои опасения оказались напрасными.

Когда Траут станет совсем глубоким стариком, генеральный секретарь Организации Объединенных Наций доктор Тор Лемберг спросит его: боится ли он будущего? И Траут ответит так:

– Нет, господин секретарь, это от прошлого у меня поджилки трясутся.

Курт Воннегут

ЧАСТЬ 1

1

ОРГАНИЗАЦИЯ

Дзент был почти на грани паники.

– Шеф, ситуация начинает выходить из-под контроля! Объект X18 развивается в угрожающем темпе, его действия невозможно предсказать и, следовательно, принять соответствующие меры!

Шеф молчал. Очевидно, раздумывал.

– Что послужило поводом для такого вашего взвинченного состояния? Можете спокойно изложить ситуацию без излишней драматизации?

Дзент наконец осознал, каким ребячеством было с его стороны врываться в кабинет Шефа с воплями, пусть и оправданными. Он напустил на себя невозмутимый вид и начал:

– Объект X18, за которым мы наблюдаем несколько лет, являющийся кандидатом №5, не поддаётся ни на какие провокации. Он не реагирует ни на какие искажения, которые мы вносим в высшие источники информации, и эта волна действует на него каким-то непонятным образом. Другие кандидаты без проблем заглатывают наживку вместе с крючком и теряют драгоценное время, пытаясь переварить этот крючок. Наш объект получил как бы иммунитет против наших искажений, он на версту их чувствует. Мало того, он вразумляет и других, и его влияние увеличивается с каждым днём. Неужели нельзя его нейтрализовать? Я даже не представляю, что будет, если он встретится с тем, вторым! Мир и так расползается по швам!

Шеф, сидевший за огромным столом из лакированного красного дерева, наконец поднял взгляд от массивной авторучки, которую вертел в руках. Он отложил ручку в сторону и сложил руки перед собой. Золотые запонки сверкнули на белоснежных манжетах рукавов.

– Дзент, – произнёс он тоном терпеливого учителя, – никогда не позволяйте вашим эмоциям управлять вами. Вы становитесь похожим на одного из этих двуногих. Главное – во всех ситуациях сохранять спокойствие и иметь ясную голову. Да, мир расползается по швам. Но это ещё не повод для паники. Я слежу за ситуацией с X18, и внимательно слежу. Может ли быть по-другому? Он представляет определённую опасность. Однако мы не можем непосредственно вмешаться в его жизнь и нейтрализовать, это чревато непредсказуемыми последствиями. И до сих пор ещё не выяснено, кто за ним стоит, и стоит ли вообще. На крайний случай, отпустим его. Чёрт с ним! Не велика потеря. Но, Дзент, ни в коем случае не позволяйте ему вступать в контакт с другими. Если это произойдёт, последует необратимая цепная реакция. И особенно важно не допустить его встречи со вторым, объектом X101. Это будет нашим крахом, Дзент! Ознакомьте меня с последними данными.

Дзент, присевший на краешек кожаного кресла, придвинул тяжёлое кресло к столу и уселся поудобней. Вытер ладонью несуществующую пыль перед собой.

– Шеф, наши агенты ведут круглосуточное наблюдение за объектом.

– Не сомневаюсь, дальше.

– Мы выявили всех кандидатов – надеюсь, что всех – и внимательно следили за каждым. Волна под кодовым названием Джоан, как известно, может повлиять на структуру планеты и изменить её. Наши исследователи до сих пор не выяснили подробностей воздействия этой волны на планету и живые организмы. Аналогов этому нет нигде. Прошлый опыт не годится. Конечно, мы можем в какой-то мере опираться на данные о воздействиях предыдущих волн.

Но это мало что даст, потому что не бывает двух идентичных волн так же, как не бывает двух одинаковых снежинок.

Шеф слушал, склонив голову.

– Итак, – продолжал Дзент, уже полностью взявший себя в руки, – наши исследователи выявили несколько интересных фактов. Волна Джоан, идущая из глубин космоса, в последние годы увеличила интенсивность своего излучения. Это излучение оказывает уникальное воздействие на каждый живой и неживой организм. Ну, двуногое стадо не представляет особого повода для беспокойства. Учитывая тот факт, насколько мы сумели отвлечь их внимание множеством технических новинок, потребительской продукцией низкоинтеллектуального качества, волна пройдёт сквозь них, не оставив ощутимого следа. Те кандидаты, которые представляют потенциальную опасность для нашего мира, требуют особого подхода и особой работы, которую мы и проделываем ежедневно. Через СМИ, интернет нашими агентами преподносится часть высшей информации перемешанной с завуалированной дезинформацией. У каждого кандидата можно нащупать слабые места, соответственно им и заглывается искажение, которое уводит, и надолго, от основного аспекта. В любом случае, они теряют время, барахтаясь в дебрях умственных лабиринтов, а волна тем временем не может ощутимо на них влиять, так как они сами того не сознавая создают в своих микроструктурах блоки для восприятия новой энергии. Есть кандидаты наиболее близко подошедшие к опасной черте. Они осознают, что пришли новые энергии. Но часть из них недоверчива и опасается за своё состояние. Для таких у нас разработана куча источников о рептилиях, серых и прочей чепухе. Другая часть готова раскрыться новой энергии, но этих заносит в совсем другую сторону. Для них мы разработали план «Архангел Михаил и компания». Теперь об объекте X18. Что-то пошло не так. На него не действует ни одна из этих уловок. Очевидно, всё дело в особенностях его психики и микроструктуры. Так или иначе, проблем он доставляет немало. К тому же увеличивается его способность к воздействию на окружающую среду, и в особенности на людей. Кандидаты, подверженные его влиянию, тоже могут начать различать искажения и тогда число людей, не поддающихся контролю, может увеличиться, даже не берусь предсказать в каких количествах. Но самую большую опасность для нас представляет воссоединение объектов X18 и X101. Об X101 у нас до сих пор нет информации, он либо что-то подозревает и потому скрывается, либо живёт отшельником. Мы засекли его только раз, когда он выложил свой комментарий на одном из форумов. С тех пор мы потеряли его след.

Шеф хмыкнул.

– Вы конечно же проверяли его след через спутниковые и навигационные системы, электронные средства?

– Да, конечно. До сих пор не удалось установить, какой мобильной связью он пользуется и пользуется ли вообще. Также его частотные данные не были зафиксированы ни в банках, ни в супермаркетах, ни в банкоматах.

– Может быть, он умер?

– Хотелось бы так думать. Но однажды один из наших сотрудников, наблюдающих за X18, засек частоту объекта X101.

– А X18 подозревает о втором? – задумчиво спросил Шеф.

– Не похоже, но X101 по всем признакам пытается выйти на связь с объектом X18. И уж если они обладают одинаковым уровнем энергии и соединят её, я даже не представляю, что произойдёт. Древний источник давно предупреждал нас об этом. Неужели на этот раз всё?

Шеф встал из-за стола, потёр переносицу. Заложил руки за спину и медленно прошествовал к огромному панорамному окну. Вид из окна открывался великолепный: зелёная лужайка со множеством цветочных клумб, вдалеке виднелись фиолетовые конусы гор под снежными шапками.

– Ну что ж, – произнёс Шеф. – Всё когда-нибудь кончается. Циклы – вещь неумолимая. Но надеюсь, мы проскочим, если будем действовать благоразумно и сосредоточенно. Продолжайте вашу работу, Дзент. Пока я не вижу повода для паники. Не спускайте глаз с X18. Ни в коем случае нельзя допустить его контакты с другими кандидатами, организуйте план по его изоляции от других, и особенно от второго! И ещё, всё должно выглядеть предельно естественно, никаких поводов для подозрений. Также продолжайте подсыпать инфу на интернетсайты. Пусть ваши сотрудники внимательно отслеживают специфические блоги и комментарии к ним. Невозможно в наше время надолго укрываться в изоляции, и если X101 жив, он так или иначе выдаст себя. Обо всех действиях докладывать лично мне и безотлагательно. У меня, конечно, теперь хватает и других забот, но эта ситуация будет лично под моим контролем. У вас всё, Дзент?

Дзент отодвинул стул и поднялся.

– Да, Шеф, это всё.

– Ну что же, тогда не будем напрасно тратить время. Тем более что оно теперь на вес золота. Даже дороже, – усмехнулся Шеф.

2 ТИНА

Мое детство закончилось в тот день, когда умерла мама. Мне было всего лишь десять лет, и на руках у меня остались маленькая сестренка и спившийся от горя отец. До смерти мамы мы были довольно благополучной и счастливой семьей. Родители покупали нам с сестренкой самые красивые игрушки и самые красивые платья. И на всей улице не было более красивых и нарядных девочек, чем мы. Мама очень баловала нас на зависть соседкам, которых жизнь преждевременно превратила в сварливых и завистливых мегер. И тем ужасней оказалась для меня смерть матери, потому что я лишилась не только матери, но и беззаботного детства.

Я пылала от стыда, когда видела валявшегося у забора пьяного отца, и соседи на лавочке судачили между собой. Этот стыд жутко мучил меня, гораздо больше, чем недостаток в доме, который ощущался с каждым днем все больше и больше. Я умоляла отца бросить пить и плакала целыми днями. Но, как известно, задавшийся целью забыться в вине, безнадежен.

Слава Богу, маленькой Заре было всего пять лет, она ничего не понимала, и для счастья ей вполне хватало игрушек и конфетки. Я бы не перенесла еще и ее хныканья.

У нас были дяди и сестры по отцу, и они конечно же не раз предлагали нам с Зарой переселиться к ним. Кроме того, у нас была старшая сестра Лариса, которая вышла замуж так давно, что я даже не помнила этого. Но виделись мы с ней не часто. Лариса, собиравшись забрать нас. Но я, закатив истерику, отказалась – мне было невыносимо быть сиротой при живом отце. И я боялась за отца, что с ним может что-нибудь случиться, если мы оставим его одного. А он все так же методично продолжал напиваться, и вскоре из дома начали исчезать вещи. Сначала это было не так заметно, но когда со стены исчез огромный роскошный ковер, я испугалась и позвонила Ларисе. Она приехала в тот же день. Мы собрали наиболее ценные вещи, что были в доме, погрузили их в машину и увезли к дяде на хранение.

Однажды я проснулась и увидела отца, сидящего у нашей с Зарой кровати. Он был трезв, причесан, гладко выбрит. Отец сидел молча, а из глаз его ручьем бежали слезы. Я тут же прикрыла глаза, и оставалась лежать неподвижно, надеясь, что он не заметил моего пробуждения. Эти мужские слезы были страшнее всего – я никогда не видела, чтобы наши мужчины плакали. Какое бы горе, какое бы несчастье ни свалилось на голову, настоящий мужчина не должен показывать свою слабость. Отец сидел долго, а я боялась даже пошевелиться, и лежала, затаив дыхание. Потом он встал и вышел.

На следующий день пришли родственники, привезли муллу, накрыли стол, и мулла очень красиво читал молитвы на арабском языке. Лариса радостно хлопотала на кухне, а я не могла понять, в чем дело. Наконец, когда мы ненадолго остались наедине, Лариса шепнула мне: «Теперь отец бросит пить!» Невероятное ликование охватило меня. Потом я увидела, как принесли Коран, бережно завернутый в белую ткань. И отец, положив руку на Коран, торжественно поклялся, что никогда больше не возьмет в рот спиртного. Когда все вышли из зала, я подкралась к священной книге. С гулко колотящимся сердцем приподняла край ткани и увидела золотистые буквы на бордовом кожаном переплете: «Большая Советская Энциклопедия». Я стояла пораженная, и в этот момент зашла моя старенькая бабушка по отцу. Она проковыляла ко мне и сказала: «Не говори никому! Плохо, что твой отец пьет, но будет еще хуже, если он нарушит клятву, данную на Коране»

Мудрой оказалась моя бабушка. Отец держался ровно неделю. Все это время он что-то чинил в доме, приводил в порядок наш двор, но потом внезапно куда-то исчез. Принесли его пьяного наутро двое незнакомых мне людей и уложили на кровать. Когда я разувала отца, меня чуть не стошнило – так от него разило спиртным.

Между тем мои дела в школе шли все хуже и хуже. Круглая отличница и блестящая активистка, я постепенно скатилась на четверки, а потом и на тройки. А из актива класса

меня вскоре исключили. Привыкшая всегда быть в центре внимания, я превратилась в чучело класса. Домашние задания я не успевала делать, а в школе голова была занята только одной мыслью: насколько пьян сегодня отец. И каждый раз возвращалась из школы домой со страхом. Моя школьная форма обтрепалась, и я прилагала невероятные усилия, чтобы придать ей нормальный вид. У всех девочек в классе появились невиданные ранее заколки, мне же приходилось собирать волосы простой лентой. Бывшие мои подружки высказывали мне пренебрежение и старались держаться от меня подальше – ведь я была дочерью алкоголика. Я с завистью смотрела на уроке рисования на разноцветные и яркие фломастеры некоторых моих одноклассников, у меня же не было даже карандашей, а рисовать мне хотелось безумно. Приходилось довольствоваться химическим карандашом, наслюнявив который, можно было получить синий цвет.

После школы я безрадостно плелась домой и думала, что же приготовить на обед. Дома у ворот меня встречала голодная Зара, размазав грязь по лицу и растрепав свою косичку.

– Тина-а, а папа опять пьяный!

– Неужели! – удивлялась я, а про себя думала, что было бы воистину чудо, если бы хоть раз он оказался трезвым.

– Тина-а, а мы будем с тобой кушать? – робко спрашивала Зара.

И от этого робкого вопроса о еде у меня было готово разорваться сердце.

– Ну, конечно же будем, глупышка! Я сейчас приготовлю такой обед, просто закачаешься!

Мама бы не перенесла, что ее дети ходят грязные, неухоженные. Она бы трижды умерла от горя. Эх, мама, мама, почему ты оставила нас? Нам так тяжело без тебя! Подавив подкашлявший к горлу ком, я пыталась думать о другом, например, о предстоящей работе по дому. А работы было много: нужно было прибрать в доме, вымыть посуду, натереть пол до блеска, чтобы было чисто, как при маме, прополоть грядки в огороде, полить цветы, постирать вещи.

Если выдавалось свободное время, мы с Зарой шли в гости к бабушке, у нее всегда оказывалось что-нибудь вкусненькое для нас. Я очень любила слушать бабушкины рассказы из ее жизни. Порой бабушка гладила меня по голове, по ее морщинистому лицу текли слезы, и она приговаривала: «Бедная, бедная девочка!»

У бабушки всегда было много народу, все просто обожали ее чай с молоком. Очень уютны были те вечера, когда все многочисленные родственники собирались за столом, пили чай и вели долгие беседы. Бабушка рассказывала о том, как их депортировали с родины, и она была беременна моим папой. В Казахстане она родила, но сказались лишения в пути, и у нее не оказалось молока. В ауле по соседству жил старый казах, у которого, как говорили, водилась корова. Бабушка пошла к нему и предложила золотое кольцо в обмен на молоко. Нашим женщинам неприлично говорить про своего новорожденного, и поэтому про ребенка она даже не упомянула. Этот аксакал отказался от обмена, а огорченная бабушка ушла восвояси. Вечером аксакал принес целый кувшин молока, а увидев ребенка, стал носить молоко каждый день. Бабушка часто повторяла, что если бы не этот человек, моего папы не было бы на свете. Впервые услышав эту историю, я стояла словно громом пораженная. Это что же получается? Если бы не это молоко, умер бы папа, если бы не было папы, не было бы меня. Вот так из-за какого-то пустяка может не родиться целое поколение.

Изредка мы с Зарой ездили к Ларисе. На каникулы дядя Валид отвозил нас в село, где она жила. В очередной раз, когда мы туда приехали, нас выбежали встречать четверо Ларисиних детей от трех лет и старше. Вслед за ними вышла заплаканная Лариса. Я тут же догадалась, в чем дело. Очевидно, ее муж опять ударился в пьяный загул. Дядя Валид, увидев опухшие глаза Ларисы, насупил брови, но ничего не сказал и уехал. Мне было неловко от того, что мы с Зарой приехали так некстати и, по-видимому, в самый разгар скандала. Ее дети повисли на мне, а старшие девочки убежали куда-то с Зарой.

– Пойдем, – позвала меня Лариса. Заметив мой неуверенный вид, добавила: – Этой скотины нет сегодня дома.

В прихожей все было вверх дном – четверо детей не шутка. Там и сям лежали разбросанные игрушки и вещи. Лариса прошла на кухню, я направилась вслед за ней, по пути подбирая игрушки. Лариса поставила на плиту чайник и повернулась ко мне:

– Рассказывай!

– Да у нас все по-прежнему, – уныло протянула я.

– Отец хоть ночует дома?

– Ночует. На прошлой неделе он притащил какого-то мужика к нам на ночлег. А дядя узнал и вышвырнул его.

– Отец что, совсем спятил? – возмутилась Лариса. – Две малолетние девочки дома, а он тащит посторонних людей. Ух, была бы моя воля на этих алкоголиков!

Думаю, она больше думала о расправе над своим алкоголиком. На мой взгляд, она была несправедлива к мужу. Не так уж сильно и пил ее муж, как наш папа. Иногда позволял себе небольшие загулы.

– Четверть как закончила?

– Без троек.

– Молодец! Может, хоть ты у нас выбьешься в люди. Но навряд ли – у наших женщин никаких перспектив. Одна дорога – замуж. Это уже кому как повезет. А на твои способности всем наплевать. И не надо тебе, Тина, так из-за этой учебы надрываться. Хоть ты на три золотые медали эту школу закончишь, хоть на двойки – никакой разницы.

Лариса сегодня явно была не в духе.

– Вот, нарожала на свою голову. А их папаше и дела до них нет, хочет – пьет, хочет – дома валяется.

– Мам, а Аслан все наши куклы отобрал! – очень некстати появилась ее дочь Милана.

– Пошли вон отсюда! Играйте во дворе! – завопила Лариса.

Милану словно ветром сдуло.

– Ну и черт с этими алкашами! – тряхнула головой Лариса. Встала, выключила газ и налила мне чаю. Откуда-то с верхней полки достала спрятанные от детей конфеты.

– Угощайся! Да не жмись, я Заре тоже оставила.

– А мы с тобой вот что сделаем. Зару оставим с детьми, а сами ходим к Лизе.

Лиза была подругой Ларисы и жила неподалеку. Когда мы вышли на улицу, на лавочке у соседнего дома сидела вся семья Кубатовых. Проходя мимо, мы поздоровались с ними.

– Бедные сиротки, – услышали мы за спиной шепот. – А отец так же пьет.

– Пожалели бы лучше своего сына, – тихо сказала мне Лариса, – какой год уже в тюрьме сидит.

– Смотри-ка, какой концерт устроили, – шепнула мне Лариса и глазами показала на дома двух других соседок Фатимы и Айшет.

Фатима и Айшет, обе почтенного возраста, имели взрослых детей и частенько устраивали между собой разборки. Как поведала Лариса, пока мы приближались в двум непримиримым соседкам, накануне женщины повздорили из-за тазика: Фатима вернула Айшет эмалированный таз, который позаимствовала у нее для варки варенья. Айшет цветочки на возвращенном тазике показали подозрительными, и она высказала это Фатиме: – Какие все умные кругом, занимают новую посуду, а возвращают какое-то барахло!

– Это я-то барахло принесла! – тут же взвилась змеей Фатима. – Когда это я дома барахло держала!? Мой сын по большому благу только импортные вещи привозит, не то что некоторые!

Под некоторыми подразумевался непутевый сын Айшет. И она не замедлила отпарировать:

– А-а, этот твой узкоглазый сын? Люди говорят, не от киргиза ли он!

– Ах, ты шлюха! – завопила Фатима, – Уж не с твоего ли окна каждое утро вылезает Хусейн!

– А-а! – взвизгнула Айшет и вцепилась в волосы Фатимы.

Это надо было видеть, продолжала тихим голосом рассказывать Лариса. Две толстые неуклюжие тетki вцепились друг дружке в волосы, при этом отчаянно пытаясь лягнуть одна другую. На шум выбежал сын Фатимы, тот самый, которого Айшет назвала узкоглазым. Он насилиу отодрал одну женщину от другой и потащил мать в дом.

Теперь же вчерашние противницы устроили наглядную демонстрацию: белоснежные подушки с наволочками из импортного материала у калитки Фатимы соревновались с китайскими покрывалами Айшет, развешанными на заборе напротив.

– Добрый день, – поздоровались мы с Фатимой.

– Добрый день! – отозвалась та громко, чтоб соседка ее услышала. – Ах, какая красивая сестра у Ларисы растет! Когда вырастет, будет достойной невестой для моего сына!

Лариса ускорила шаг: – Пойдем скорей, не дай бог, они втянут и нас в свои разборки.

Наконец, мы дошли до дома Лизы. Лиза была бездетной вдовой. Жила вместе с матерью и братом, которых держала в ежовых рукавицах. Невысокого роста со смазливym личиком на вид она была хрупкой, но характером обладала железным. Благодаря ее активной торговле, ее маленькая семья не нуждалась ни в чем, хотя неоднократно Лизу пытались привлечь к уголовной ответственности за спекуляцию. Но она всегда находила непостижимый выход из любой ситуации. Завидев нас, ее братишка юркнул в сарай.

– Тина приехала! – приветствовала нас Лиза и повела в дом.

– Привезла новый товар? – поинтересовалась Лариса.

– Привезла. И детям твоим, и для мужа твоего кое-что найдем! – подмигнула мне Лиза за спиной у Ларисы.

– Пошел он к черту! Где шляется, пусть там и одевается!

От кучи красивых невиданных вещей у меня буквально разбежались глаза. Лариса пересмотрела все вещи, отобрала кое-что для своих детей, а для нас с Зарой выбрала самые красивые гольфы.

– Эти гольфы я дарю девочкам, – сказала Лиза. – Нет, нет, и не настаивай, все равно денег не возьму.

После просмотра вещей, как мы не отнекивались, Лиза усадила нас за стол, уставленный всевозможными дефицитными яствами.

– Фатима сегодня все свои подушки выставила, – сообщила Лариса ей.

– А-а, эти две дуры никак не угомонятся. Они просто жить друг без друга не могут. Клянусь, если бы одна из них умерла, другая зачала бы от скуки.

Лариса с Лизой перемыли косточки еще нескольким своим знакомым. Через некоторое время наступила пауза. Лиза покосилась на меня.

– Что же это творится, что же творится! – произнесла она вполголоса.

– При ней можешь говорить свободно, – сказала Лариса, – эта тихоня лишний раз рот не раскрывает. Что там с Супьяновой дочкой?

– Ой-ей-ей! – покачала головой Лиза и продолжила: – Бедный Супьян, какое горе свалилось на его старую голову! Но этого и следовало ожидать, совсем распустил свою дочь! Все сюсюкался с ней, все нянчился. А она... Замуж вышла, сына родила. Сына! Ну чего ей не хватало!? У других и этого нет. Так нет, сбежала с русским!

– Так это правда? – ужаснулась Лариса. – О, Аллах, что же это такое!

– Сбежала, – продолжила Лиза, – с одним из летчиков, которые летом обрабатывали наши поля. Не о муже она беспокоилась, когда носила обед на поле.

– А муж ее, что он?

– А что муж, пашет себе на тракторе днем и ночью, кроме пыли ничего и не видит. Он бы с радостью закрыл глаза на все проделки этой сучки, но сестры покоя не дают, поедом едят.

– А где они скрываются? Их нашли?

– Кто их будет искать? Уж не Супьян ли на своем костыле?

Лиза пригорюнилась: – Сбежала... одного мужа ей, видите ли, не хватало. Потом со злостью продолжила:

– Ты же знаешь, какой я женой была своему мужу. А Аллах отнял его у меня. Меня даже некому было пожалеть. Буквально через неделю его родня вежливо выставила меня – зачем им лишний рот, да еще и бездетная. А тут дома все на мне одной, от братца-то моего какая польза всем известно. Да еще и мать все норовит какой-нибудь номер выкинуть, не умеет язык за зубами держать. Ляпнет что-нибудь на людях, а мне краснеть за нее приходится.

– А где твоя мать сейчас?

– Отправила ее на базар с маслом. Надеюсь, сегодня она все продаст.

– М-да, такие вот дела.

Когда мы уходили, Лиза провожала нас до ворот. Проходя мимо сарая, я заметила в щели два сверкающих глаза.

В школе меня продолжали донимать обнаглевшие мальчишки, они буквально изощрялись в издевательствах надо мной. На уроках я мечтала о том, как придет прекрасный незнакомец и увезет нас с Зарой далеко-далеко. Воображение рисовало настолько реальные картины, что я начала беззастенчиво лгать, что скоро придет богатый родственник из-за границы, чтобы забрать меня в другую страну. Моя ложь была настолько убедительной, что одноклассники начали невольно верить мне. Но шло время, мой спаситель не появлялся, и мальчишки не упустили случая поиздеваться надо мной: «Эй, Закирова, визу оформила?» Я была зла на выдуманного мной человека, как на реального, из-за того, что он не появляется, когда я так нуждалась в нем.

Поняв, что этот номер не проходит, я решила покорить одноклассников блестящей учебкой. Я корпела над учебниками даже ночью, брала в библиотеке дополнительную литературу, начала посещать кружки по необходимым предметам. И надо сказать, мои усилия не оказались безрезультатными.

Шли годы. Мальчишки стали взрослеть и оставили меня в покое. У меня появились подружки в классе. Зара тоже пошла учиться и довольно успешно заканчивала начальную школу. Отец все так же продолжал пить. Чувство тоски от потери близкого человека в нем давно притупилось и забылось, а пагубная привычка осталась. Мы с Зарой старались как можно дольше задержаться в школе. Я давно перестала беспокоиться об отце, что он ест, в чем нуждается. Он нуждался лишь в одном. Ночью, когда засыпала Зара, я потихоньку плакала в подушку от обиды на такую несправедливую и несчастную жизнь. Как хорошо, думала я, что на свете существуют школы, где можно получать знания и общаться со сверстниками.

А в школе мои дела наладились, и появились первые успехи. Учителя, видя мое упорство и усердие, по достоинству оценили мою учебу и иногда даже ставили меня в пример. Однажды на уроке литературы, когда под монотонный голос нашей учительницы всем классом одолела весенняя дремота, на мою парту неожиданно шлепнулся какой-то сверток. Моя соседка по парте сначала восторженно вскрикнула, но когда я прикрыла сверток рукой, снова погрузилась в транс. Развернув, я увидела записку со своим именем и шоколадку. Несколько потрясенная, я даже не стала читать, успела только заметить в конце записки фамилию – Савельев. С колотящимся сердцем я изорвала ее на мелкие клочки и сунула в карман. Шоколадку завернула и метнула обратно, приблизительно в ту сторону, откуда она прилетела. Украдкой оглянулась на то место, где сидел Савельев, и увидела его склоненную голову с пунцовым лицом. Я была слишком юна и глупа, и некому было мне дать разумный совет или хотя бы разъяснения: если

на тебя обратил мальчик другой национальности, это не значит, что ты прямым ходом отправишься в ад. Все, что говорилось старшими в нашем роду, было для меня беспрекословным законом. Просто я тогда еще не знала, что есть много разновидностей лжи: ложь во имя спасения, ложь по невежеству, ложь во благо и так далее. Я до сих пор не знаю, была ли та шутка моих одноклассников, или же сам Савельев написал записку, так как я не успела ознакомиться с ее содержанием: страх перед адом был для меня слишком велик.

Наступил, наконец, и выпускной вечер. Мне было очень грустно расставаться со школой и одноклассниками, хотя я и натерпелась от них в свое время. На выпускной, этот один из самых важных вечеров в моей жизни, мне удалось вырваться с трудом после долгих уговоров и просьб, и после совещания у бабушки моих родственников.

Сразу после выпускного меня сосватали за молодого человека из другого поселка. Но прежде были смотрины. В один из летних дней пришла двоюродная сестра Амина, велела мне одеться и пойти с ней – на меня хотят посмотреть какие-то люди. Я догадывалась, что все это означает. Амина довольно удачно вышла замуж за человека из обеспеченной семьи, была любима и уважаема, наверное, потому, что так долго и упорно добивались ее руки. Родители сумели набить ей цену. И вот какие-то знакомые ее мужа искали невесту для своего сына. Наспех умывшись и надев свое самое нарядное платье, я пошла с Аминой. Это была моя триумфальная минута! Не знаю, почему у меня был этот комплекс неполноценности, я не была дурнушкой, напротив, часто слышала в свой адрес, что я красавица. Но не верила этим словам и всегда думала, что люди стараются таким образом утешить бедную сиротку.

Но сегодня! Я достойна быть чьей-то невестой! И мне так хотелось увидеть того необыкновенного человека, который хочет со мной познакомиться. У Амины дома было много гостей. Я поздоровалась с ними, какая-то женщина поднялась и со слезами обняла меня. «Такая же красивая, как и своя мать» – проговорила она, всхлипывая. Выше этого комплимента для меня не было больше никогда.

Они стали расспрашивать меня о нашей с Зарой жизни и заодно делать двусмысленные намеки. Теперь-то я понимаю, что родственники моего мужа присматривали для себя подходящую молодую здоровую кобылку. Я подходила по всем параметрам. Сиротка, следовательно, не буду никогда капризничать и возникать, трудиться уже умею, и учить не нужно, да вдобавок ко всему еще и красавица, не стыдно будет перед людьми такой красавицей похвастаться. Потом вошел мой будущий супруг. Взволнованная и оробевшая, я не успела даже хорошенько его разглядеть. Он о чем-то спрашивал меня, я что-то невпопад отвечала. Первые впечатления от общения с ним говорили о его самодовольстве и снисходительности по отношению ко мне.

Вскоре мне опротивел весь этот цирк. Первая моя встреча с молодым человеком была омрачена присутствием нескольких пар бдительных глаз, которые старались не упустить ни один мой жест, ни одно слово, чтобы на следующий день распространить это событие по поселку с профессионализмом какого-нибудь репортера. Не таким образом я мечтала встретить свою мечту и судьбу.

Через месяц меня сосватали и увезли в дальний поселок. Была пышная свадьба, было много народу, была пальба и гудки автомобилей. Только жениха не было на свадьбе – у нас это не принято, он появляется только в конце недельных торжеств. Я так хотела, чтобы мне кто-нибудь заменил маму. И когда я думала о замужестве, немаловажным фактором было приобретение свекрови. Увы, моя надежда не оправдалась, так как моя несостоявшаяся свекровь скончалась несколько лет назад, а отец моего мужа и того раньше. Всю неделю мне пришлось стоять, как и положено чеченской невесте, в углу, отлучаясь только тогда, когда мне нужно было что-то делать по дому. В присутствии старших я не могла ни сесть, ни поесть. Эта свадьба была для кого угодно, но только не для жениха с невестой.

Я узнала о возрасте мужа, когда его племянница – егоза Элиса, принесла мне кусочек торта. 27 лет! В тогдашнем моем представлении он был для меня стариком. Это немного омра-

чило мое настроение. Элиса выболтала мне еще много секретов семьи: а Мовсар напился на свадьбе, об этом узнал дядя Альви и выбил ему все зубы; а Умар весь вечер танцевал с Айзой, хотя у него жена и двое детей; а Рустам привез на свадьбу всех своих сестер, которых никак не могут выдать замуж, и танцевал с ними по очереди до тех пор, пока на него не наорал назначенный тамадой старый Юсуф; а одна тетенька сказала Элисе, что она очень красивая и непременно возьмет ее замуж за своего сына; а Руслан (при упоминании имени моего мужа у меня забилося сердце) прячется от всех у одного своего друга; а жена Вахида нацепила на себя все свои бриллианты; а Рома приглядел себе девушку на свадьбе и хочет ее украсть. Мне очень понравилась эта девочка, она чем-то напоминала Зару, но была побойчее и совершенно свободно себя вела. Бедная Зара! В этой свадебной суматохе я совсем забыла про нее.

Впервые увидав своего мужа после свадьбы и хорошенько его разглядев, сердце мое сжалось от боли: он был человеком заурядной внешности и заурядного ума, и вся его заурядность сочеталась в нем с огромным самомнением.

Эх, если бы я только знала, что меня ожидает в супружестве, я бы прыгнула головой вниз с нашего единственного моста!

Шел 91-й год. Августовские события затронули каждого. Бытовые и личные темы ушли на задний план. Разговоры велись только о ситуации в стране и о тревожном будущем. Тревога распространялась и на настоящее, порождая по всей стране внезапные стычки с этническим окрасом. Обычный бытовой конфликт с соседями переходил в межнациональные разборки и неизменно заканчивался одним и тем же: «Езжай в свой Капказ!» Коренные жители, до сих пор отличавшиеся миролюбием, настроились против нас, кавказцев, и в каждом их взгляде, брошенном на кого-нибудь из нас, сквозила непонятная враждебность. Такое оскорбительное отношение вынудило наших мужчин сплотиться, и кое-где даже зазвучали призывы вооружаться, не оставлять без ответа ни одно покушение на честь. Тут же припомнили всех национальных героев, защищавших свою честь и достоинство и проливших море вражеской крови.

Но конфликты со временем прекратились сами. То ли в результате усилий, которые активно прилагали представители власти, то ли по причине наступившего в стране экономического кризиса. Обнищавшим людям, борющимся за свое выживание, не оставалось сил еще и на межнациональные раздоры. Все чаще и чаще раздавались мнения, что вайнахам необходимо перебираться на родину отцов. На этой волне эмигрантского настроения стала готовиться к переезду и семья моего мужа. Немало времени ушло на то, чтобы собрать все вещи, упаковать и отправить по назначению в грузовых контейнерах. Вслед за вещами отправились и мы.

Перед отъездом брат мужа повез меня попрощаться с бабушкой и Зарой.

– Тина приехала! – с радостным визгом выбежала навстречу сестренка.

– Ой, вы на Кавказ уезжаете!? Ну и везет же тебе, Кавказ увидишь! – затараторила Зара, обнимая меня.

– Ты-то как? Хорошо учишься? – спросила я ее.

– Не до учебы, – совсем по-взрослому отмахнулась Зара. – Бабушка болеет, приходится за ней ухаживать.

– О-ох, внученька моя приехала! – появилась на крыльце бабушка. Она тяжело дышала и опиралась на перила лестницы.

– Кто знает, свидимся ли мы еще? – С этими словами она заплакала.

– Не говори так, бабушка! Зачем ты портишь мне настроение перед самым отъездом?

– Не буду, Тина. Ну, пойдете в дом.

Мы с Зарой взяли бабушку за руки и вошли в дом, подвели ее к дивану и усадили.

– Ох, не люблю я эти диваны, – закричала бабушка. – Да Валид запрещает на кровать днем ложиться, говорит, что тогда совсем слягу.

Валид был старшим ее сыном, и, как полагалось, в нашем роду слово старшего мужчины в доме было законом.

– Бабушка, какая ты нарядная! Там на Кавказе я подыщу тебе жениха, – пошутила я.

– Подыщи, подыщи, – согласилась бабушка. – А эти вещи мне Валид привез. И лекарства дорожные откуда-то достал. В аптеках ведь теперь ничего нет. Не люблю я их, – неодобрительно покачала она головой.

Я знала о ее недоверии к лекарствам, да и вообще, ко всей медицине в целом.

– Нужно пить лекарства, бабушка, – укорила я ее.

– Добрый день! – вошел Рома, преднамеренно припозднившийся. – Как ваше здоровье? – вежливо поинтересовался он у бабушки.

– Неважно, – повернулась к нему бабушка. – Но я благодарю Аллаха, что жива, что дышу и вижу всех вас. Как вы поживаете? Все живы-здоровы?

Ответив на расспросы бабушки, Рома немедленно ретировался, сказав, что заедет за мной попозже.

– Рассказывай, внучка, – обратилась ко мне бабушка. – Как ты поживаешь? Справляешься с их семейством?

– У меня все отлично, бабушка, ко мне хорошо все относятся, – с наигранным оптимизмом ответила я ей.

Но бабушку не убедили мои слова, наверное, мои чувства ясно читались у меня на лбу.

– Послушай меня, – сказала она мне. – Каким бы сказочным ни было замужество, оно никогда не бывает гладким. А тебе еще повезло – свекрови у тебя нет (я мысленно запротестовала), золовки все замужем. Помнишь, как Яхит свою сноху в могилу свела? А тебе будет намного легче. С женой твоего старшего деверя вы уживетесь, тем более, что он очень набожный человек. Но помни, Тина, делай все, что тебе велят, и муж, и его родственники. Что бы тебе ни говорили – терпи, все плохое проходит. Не давай ни малейшего повода, чтобы злые языки очернили твое имя. Помни, чья ты дочь, такой матери, как у тебя, ни у кого не было.

При этих словах что-то сдавило мне горло. Я молчала. Даже под пытками я не смогла бы сейчас выдать из себя слово.

Зара появилась с чайником в руках. Она расставила на бабушкином столике чашки, принесла масла, нарезала хлеб.

– Умница, Зарачка! – похвалила ее бабушка. – Корову погнала сегодня в стадо?

– Да, бабушка, – ответила Зара с набитым ртом. – Корова сегодня не хромала.

Сделав глоток чая, я почувствовала себя легче.

– А ты, бабушка, почему не хочешь переехать на Кавказ? – спросила я ее. – Там я чаще смогла бы вас всех навещать.

– Не-ет, – покачала головой бабушка. – Твой дед здесь похоронен, твои мать и дядя тоже. И я здесь умру, хочу быть рядом с ними. Жена Валида ворчит каждый раз на своего мужа – в Чечню хочет. Но он без моего согласия не поедет, вот и колотит ее часто, чтобы выбить из ее бестолковой башки Кавказ. Ты отца-то своего видела?

– Нет, первым делом мы к тебе заехали.

– Обязательно попрощайся с ним! Каждый день молю Аллаха, чтобы этот непутевый одумался. Никак не угомонится, все пропивает. И откуда только он эту водку берет? Бедный Валид, сколько забот у него! Кроме твоего отца еще и семья Салмана на нем. С Ларисой виделась?

– Виделась, бабушка, они тоже скоро переедут.

– Знаю, знаю, – печально проговорила бабушка. – Все поразъезжались. Скоро мы с Зарой совсем одни останемся. Но мое место здесь. А там... Я не смогу, придется заново ко всему привыкать.

Мы беседовали до тех пор, пока Рома не заехал за мной.

- Что ты там наговорила про меня? – язвительно поинтересовался он у меня в машине.
- Ничего я не наговаривала!
- Тогда почему бабка так недовольно на меня посмотрела?
- Не знаю, просто она грустит, что я уезжаю так далеко.
- Уж если ей так тяжело с тобой прощаться, мы можем и без тебя уехать.

Тон его был взвинченный, и я предпочла промолчать. Ехали всю дорогу, молча. Увидев кого-то из своих знакомых, Рома притормозил и вышел из машины. Я смотрела, как он разговаривает с мужчиной и думала, правильно ли я себя веду, нужно ли мне выйти из машины и поздороваться? Поговорив со знакомым, Рома сел в «Жигули» и завел двигатель. Я уже по его затылку почувствовала, что он крайне чем-то недоволен.

– Кто это был? – поинтересовалась я, собираясь загладить свое поведение на тот случай, если оно оказалось неподобающим.

– Твое какое дело? – взорвался вдруг он. – Ты думаешь, я не заметил, что ты, как самая распоследняя шлюха, строила ему глазки? Чему только тебя учили дома?

Этот неожиданный выпад лишил меня дара речи.

– Тебе повезло, что Руслан мало бывает дома и не видит, на какой твари женился. А я теперь приглядывай за его идиоткой женой!

Я разрыдалась. Стала клясться, что у меня и в мыслях не было строить глазки кому бы то ни было.

– Заткнись! – прервал он меня. – Такие, как ты, вы умеете изворачиваться. Иди, объясняй все своей бабушке, а меня ты не проведешь!

Если бы я вздумала пожаловаться своему мужу, было бы только хуже: его вполне устраивало, что у него есть такой бдительный надсмотрщик за его женой. А Рома считал своим долгом предохранить семью от позора, который рано или поздно могу навлечь я. Мой муж, конечно же, не был в состоянии как следует проследить за моим поведением, поэтому обременительную обязанность взял на себя Рома и муштровал меня словно непутевого и слабоумного солдата.

Так началась моя семейная жизнь, а растянулся этот кошмар почти на два десятка лет.

3

ГДЕ-ТО ЗА ЗОНОЙ КАРАНТИНА

– Итак, вы разработали план.

– Да.

– Вы определились с носителем?

– Да.

– Хотелось бы услышать детальное описание плана.

– Ситуация создалась довольно сложная и неразрешимая. Наши противники не поддаются ни на какие переговоры и склонны стоять на своих позициях до конца. Учитывая тот факт, насколько жестко и бескомпромиссно они себя ведут, мы решили принять беспрецедентные меры предосторожности. Мы знаем, что у них оказалась информация о носителе и антивирусе Сатья. Они попытаются завладеть носителем любой ценой, пойдут на любые меры и жертвы, потому что антивирус угрожает самому их существованию. Мы не можем рисковать этим носителем. Мы уже и так достаточно потеряли наших людей. Они никогда не прекратят попытки завладеть носителем и навредить ему. До момента появления активирующего фактора, а это может занять десятки лет, носитель должен быть спрятан в таком месте, где им даже в голову не придет искать.

– Интересно, где же это?

– Каким способом можно защитить и сохранить ценную вещь, которую надлежит использовать через некоторое время? Самый лучший способ спрятать что-либо до определенного времени – позволить похитителям украсть эту вещь и держать их под наблюдением. При очередной попытке мы позволим похитить нашего носителя.

– ???

– Они спрячут его сами и будут охранять со всей тщательностью, на которую способны. А мы отследим и будем наблюдать. Когда придет время, заберем носителя. Нужно внушить им уверенность, что мы сокрушены пропажей носителя и не осведомлены о его местонахождении.

– Очень большой риск.

– Риск будет в любом случае. Но этот вариант мы считаем наилучшим.

– А не подвергнется ли жизнь эмбриона опасности? Зачем им сохранять ему жизнь и тем самым угрозу своему существованию?

– Они не посмеют. По Закону за физическое устранение носителя их ждет неминуемая кара. Они решатся на устранение лишь в крайнем случае. Если будет хоть малейшая опасность для нашего носителя, мы вмешаемся без промедления.

– Как действует антивирус?

– После случившейся Катастрофы выпущенный вирус Кали изменил не только геном человека. Он повлиял также на структуру материи и пространства. Генетические цепи организма повреждены, органы восприятия работают в ограниченном режиме. Инфицированный в состоянии различать и осязать материю только определенной энергоинформационной частоты. То есть, мы можем стоять рядом с инфицированным, и он нас даже не заметит. Вначале мы пытались вмешаться через сознание больных, но это привело к трагическим последствиям. Вирус обрел зачатки интеллекта и действует крайне агрессивно. Вирус Кали очень устойчив, практически неуловим и неистребим, передается по воздуху, через кровь и гены и в основном действует через сознание. При малейшей попытке изменения среды, которая пригодна для его выживания, вирус проявляет высокую активность и мобилизует все доступные ему средства. По этой причине вся планета была заключена в зону карантина. Было уничтожено огромное количество многих видов животных и растительности. Оставшиеся в живых инфицированные получили значительное повреждение генома и нарушение мозговой деятельности.

В результате этого вид потерял большую часть своих способностей, сохранив лишь инстинкты, необходимые для выживания. Значительно сократилась и продолжительность жизни. Истребить инфицированных посчитали антигуманным, и было решено создать антивирус. Для этого мы получили определенный срок, по истечении которого при отсутствии изменений в сложившейся ситуации зона будет дематериализована.

Наши исследователи разработали антивирус Сатъя, который создан на основе генетического материала донора. Чтобы не быть распознанным вирусом, антивирус внедряется в тело носителя на этапе внутриутробного периода и практически не отличим от вируса. По мере развития организма, антивирус из спящего режима включается в работу, маскируясь под вирус, и постепенно растворяет его. При этом регенерируются пораженные участки мозга, и это довольно болезненный процесс для носителя. Чтобы восстановить пораженные части, требуется какое-то время и мобилизация всех сил организма. После полного излечения все функции мозга восстанавливаются, и он в состоянии принимать и транслировать чистую энергию в окружающую среду. Таким образом распространяется антивирус.

– Хорошо. Насколько высока вероятность эффективности антивируса Сатъя.

– Достаточно высокая, если заболевание не носит тяжелый характер, и инфицированный находится в начальной стадии. Как известно, вирус реагирует на малейшие всплески излучения при проявлении эмоций, в особенности негативных эмоций. Вирус Кали привлекается низкочастотным излучением и увеличивается в размерах, поскольку эмоциональность человека является пищей для вируса. Увеличение вирусов влечет за собой потерю способности мозга принимать информацию из внешней среды. Вирус как щит накрывает центральную нервную систему и создает для мозга энергоинформационный вакуум. Большинство детей находится в начальной стадии заболевания, и их мозг функционирует в оптимальном режиме. И на этой стадии действие антивируса предельно эффективно. По этой причине вероятность излечения в детском возрасте очень высока.

– Что ж, скоро решим вопрос и с другими носителями. Нужно подстраховаться.

4 НОСИТЕЛЬ

Замужняя жизнь не задалась с первых же дней. Но Тина долго не хотела признавать этот факт. С пеленок впитав образ кроткой, героической женщины, она приняла на себя роль молодой жены, безропотно прислуживающей мужу и его братьям, стойко и самоотверженно перенося все невзгоды. Фанатичная преданность новой семье доводила ее до мазохизма.

Возможно потом, когда старость скрутит ее и превратит в злобную сварливую старуху, она сможет отыгаться и за свою никчемную молодость, и за унижения. Уж тогда-то она выместит всю свою злобу на невестках – должен же, в конце концов, кто-то расплатиться за ее неудавшуюся жизнь.

В чеченских семьях приоритет отдается мужчине – он защитник, он наследник и продолжатель рода. Девочка с рождения на положении временной гостьи, так как рано или поздно выйдет замуж и уйдет в другую семью. А до тех пор ее честь нужно сторожить как зеницу ока, чтобы избежать крайностей, которые нередко проявляются в жесткой форме.

И поэтому женщин в семье в целях профилактики держали в черном теле, ограждая от влияния некоторых непутевых женщин из поселка.

Тина не могла допустить, чтобы когда-нибудь ее сравнили с такими женщинами, и изо всех сил пыталась соответствовать идеалу образцовой жены. Она выслуживалась и надеялась, что ее рвение оценят по заслугам. Многие замечания воспринимала, как обоснованные, коря себя в том, что недостаточно рьяно придерживается норм поведения и путается в соблюдении традиций. Не хотелось услышать в свой адрес страшную фразу «сорвалась с катушек», что в дословном переводе означает «сорвалась с привязи». Привязь, как для лошади или собаки. Уж кому как повезет.

Женская образованность в семье не особо поощрялась. Более того, такая «умница» плохо подходила на роль обслуживающего персонала для всей многочисленной семьи мужа. Польза от образования виделась лишь в том случае, если оно могло обеспечить семью необходимыми благами.

Руслан, неожиданно получивший статус семейного человека, был не совсем готов к роли главы семьи и не чувствовал за собой никакой ответственности. Его обязанности сводились к покрикиванию на Тину да назиданиям о том, какой должна быть настоящая хозяйка и жена. Тина боготворила своего мужа. Первый мужчина в глазах вчерашней школьницы выглядел необыкновенно мудрым и неотразимым. Его насмешки казались ей забавными, а нелепые поступки – простительными.

Сестра Руслана, Зарина, за театральной праведностью скрывала свой ядовитый нрав, который иногда вырывался из-под контроля и жалил ее жертву прямо в сердце. При этом она напускала на себя благочестивое смирение перед необходимостью сосуществовать с неисправимым нечестивцем. Унизить и вызвать чувство вины было для нее привычным приемом, который позволял ей с легкостью использовать пристыженных невесток в своих целях. Правда, цели были мелковаты и ничтожны. Главой семейства после смерти родителей стал Аслан, но решения всегда принимала серый кардинал в юбке. Она выбирала невест для братьев, и она же настояла на том, чтобы Аслан оставил свою чересчур образованную жену. Безвольный Аслан и впрямь верил, что управляет порядком в семье. Нужно было поддерживать видимость мужского правления.

После рождения сына обнаружились проблемы, связанные с материальным недостатком, которым ее попрекали постоянно. Ей не на что было купить ребенку необходимое питание и лекарства, нечем угостить многочисленных гостей, нечем обставить скромное жилище.

Руслан пропадал неделями, объясняя свои отлучки какими-то коммерческими сделками. Но толку от его коммерческих телодвижений не было никакого. Когда родился Тим, бабушка прислала небольшие деньги. На первое время они выручили Тину, но потом опять наступила беспросветная нужда. Как-то Тина заикнулась о том, что неплохо бы Руслану устроиться на работу, но наслушалась много чего в свой адрес и больше не предпринимала попыток повлиять на мужа.

Вскоре после того, как они переехали на Кавказ, Чеченская республика вернулась во времена средневековья. Дудаев заявил, что девочкам нет нужды учиться, а с мальчиков достаточно и начального образования. Начал действовать шариатский суд, по которому пьяных вылавливали и отстегивали плетью прямо на площадях. Руслану пришлось завязать с выпивкой, иначе и ему попало бы по первое число. Такой порядок вещей его совсем не устраивал.

Среди населения хватало как приверженцев, так и противников Дудаева. Сторонники были одержимы этим новоявленным лидером и вполне серьезно считали его богоизбранным и святым. В их присутствии было небезопасно пренебрежительно отзываться о достоинствах Дудаева. Скептики в узком кругу высмеивали действия нового главы республики и сочиняли анекдоты. Самым ходовым стал анекдот про наставление Дудаева: окруженный старейшинами, он призвал молиться трижды в день, а когда ему напомнили, что вообще-то количество предписанных молитв пять, он, нимало не смутившись, поправился – чем больше, тем лучше. А в целом, создавалось впечатление, что Дудаев, как глава республики, совершает отчаянно провокационные действия, нарываясь на развязывание масштабного конфликта. Не мог политик такого уровня заниматься откровенно абсурдными и заведомо провальными вещами.

Потом разразилась война, и слухов было столько, что не знали, чему верить и кому верить. Сколько было рассказчиков, столько было и версий

происходящего. Число погибших насчитывало десятки, если не сотни, тысяч и с той, и с этой стороны, среди военных и мирного населения – кровавая мясорубка равнодушно перемалывала всех, кого затянуло в ее воронку. Иногда доходило до того, что сосед убивал соседа, отец сына, а брат брата. Непримируемая идеология разделила кровавой чертой не только страну, но и семьи.

В самый разгар бомбежек, обстрелов и боевых действий вокруг, Тина получила известие о том, что скончалась бабушка, а вслед за ней похоронили и отца. О Заре было известно только то, что она вместе с семьей дяди в статусе беженцев уехала на ПМЖ куда-то в Европу. Тина не осознавала в полной мере свалившееся на нее горе, так как посреди чудовищного грохота разрывающихся снарядов и вздрагивающих стен дома выхаживала своего сына, который слабел с каждым днем из-за недостатка питания и отсутствия необходимого медицинского ухода.

Военная действительность оказалась чудовищной и несовместимой с человеческим бытием, от чего многие семьи, оставляя за собой дымящиеся руины разрушенных домов, стали покидать Чечню. Семья мужа также решила отправить Руслана с Тиной, маленьким Тимом и племянником Тагиром, который рос без матери, на время в Казахстан, чтобы переждать войну. Миновав кучу препятствий, проверок и неизбежных лишений в пути, на поезде, переполненном беженцами, они пересекли границу России.

Ну, а здесь, в Казахстане, обстановка была далеко не лучше военной. Правда, кровь не лилась рекой, и не грохотали взрывы. Но отток населения был огромен, и экономическое положение в стране день ото дня становилось хуже. Люди продавали за бесценок или бросали свои дома и имущество, которые невозможно было продать, и уезжали из страны. Старые предприятия и организации, прекратившие свои функции, были разгромлены и растасканы до основания. Начались перебои с электричеством. И вдобавок две черные тучи – инфляция и безработица – надолго лишили выживающих света надежды. Люди в поселки мерли как мухи от различных заболеваний.

Руслан со своей семьей поселился в одном из заброшенных домов по соседству с двоюродными родственниками. Иногда Руслану удавалось что-нибудь раздобыть. Это событие торжественно отмечалось в кругу родственников, и Тине лишний раз давали понять, как безумно ей повезло с таким мужем. У Руслана появился новый приятель, которого он окрестил Дункан Маклауд из-за длинных волос, стянутых в хвост. Никто в поселке не знал, откуда он появился. По одним слухам, он сбежал, прибив свою неверную жену, по другим, после учебы в Ленинградском университете от умственного перенапряжения стало клинить мозги, и его направили в психушку, куда он не доехал и теперь укрывался здесь. Сам же Дункан на расспросы Руслана всегда отвечал неопределенно. Тина тоже отмечала в нем странности, но не могла уловить, что именно привлекает к нему внимание: то ли неуместная интеллигентная учтивость в среде грубых необразованных сельчан, то ли контраст между его засаленным запущенным видом и тонкими благородными манерами.

Совершенно спонтанно появилась идея открыть дома небольшую лавочку для торговли на те скромные деньги, что появились после продажи небольшого участка земли, оставшегося от родителей Руслана. Товар, закупленный в районном центре, выложили на полки и поставили в известность всех соседей и знакомых. Завели молочную козу, и на какое-то время можно было перевести дух в гонке за выживание и передохнуть от проблем.

Но с приходом весны начались новые мучения для Тины. Торговля застопорилась из-за отсутствия товара, который было не на что закупать. Двор превратился в труднопроходимое болото, и в течение долгого времени приходилось балансировать на мини-островках, состоящих из кирпичей, досок и железок. Коза и брошенная хозяевами собака, частенько сталкивались на таких островках, никто из них не хотел уступать дорогу и лезть в грязь. А коза не уступала дорогу даже своим хозяевам. Тина, всякий раз столкнувшись с козой, трудом отпихивала ее со своего пути. Коза не хотела ни уступать дорогу, ни давать молока. Тим стал похожим на бледную молчаливую тень. Он плохо спал и потерял аппетит, и без того слабый. Врачи только пожимали плечами и советовали сдать неизлечимо больного ребенка в приют.

5

ДУНКАН МАКЛАУД

На столе стояли чашки, стаканы, бутылка водки, хлеб, нарезанный большими кусками, на тарелке кольца лука. Дункан, с помятым лицом и длинными спутанными волосами, собранными в хвост, нервно ходил по комнате и то и дело присаживался к столу. Его собеседник, Руслан, крепко сбитый, цветущий и самодовольный, неторопливо разливал по стаканам, слушал рассеянно приятеля и изредка вставлял реплики.

– Дункан, ты слишком много читаешь. Вот и лезет тебе в голову всякая дурь! Иди лучше, выпей!

– Да подожди ты, – отмахнулся Дункан. – При чем здесь чтение? Разве я не прав? Жизнь – в сущности, трагедия. Только мало кто это осознает. И слава богу, что не осознает. Иначе жизнь потеряла бы смысл для каждого. А какие великолепные приманки существуют, чтобы создать иллюзию привлекательности жизни: богатство, роскошь, слава, любовь, наконец... Э-э, любовь – это одна из коварнейших приманок для человечества. Мифы, легенды, сказки о вечной любви, все сводится к одной элементарной цели – размножению. Человек несносное и гордое существо, ему непременно нужно чем-то выделиться из животного мира, сама мысль о размножении подобно животным противна ему. И вот тут нате вам – Ромео и Джульетта, Тристан и Изольда, Лейли и Меджнун. А какой бы возвышенной ни была любовь, согласись, она приводит к одному результату – спариванию, а затем и деторождению.

Руслан задумался, обдумывая эту новость.

– Иной начинает задумываться, приходит к пониманию, но уже поздно – ловушка захлопнулась, – Дункан очередной раз прошелся по комнате.

– Ну, не заводи баб тогда, и детей не заводи.

– Э-э, друг мой, не так-то все это просто. А куда я дену свои инстинкты? Независимо от моего желания я наделен органами воспроизводства. И к тому же это только ничтожная часть трагедий жизни. А болезни, голод, нищета, нужда? А старость, наконец? Когда ты с ужасом замечаешь, что твое тело постепенно уходит из-под твоего контроля, и ты ничего не можешь с этим поделать, обладай ты хоть всем золотым запасом мира.

– Не забивай себе голову ненужными вещами, – снисходительно отозвался Руслан. – Жизнь дается только раз, и прожить ее нужно так, чтобы не соскучилось установленное за нами негласное наблюдение. Много будешь думать, раньше состаришься. А для меня важно на крутой тачке развезжать и чтоб карманы были набиты бабками. Что еще нужно от этой жизни?

Дункан, молча смотрел на него. Руслан, возмнивший, что потряс приятеля своими честолобивыми устремлениями и житейской хваткой, насмешливо продолжал:

– Ты вот постоянно читаешь. Прямо ходячая энциклопедия, институты какие-то там кончал, а почему ты ходишь в одних штанах несколько лет? Чем тебе твои институты помогли? Если ты такой умный, чего ты батраком на какого-то козла ишачишь? Даже твоя жена тебя ни во что не ставит. Ну да, тебе лишь бы дали возможность с книжками торчать, и ты готов под ее дудку плясать.

Дункан нервно передернул плечами.

– Я вот вспомнил одну древнюю эпитафию... ну... это слова на надгробной плите – «Здесь покоится Тримальхион – вначале он был ничто, однако оставил 300 миллионов сестерций, никогда в жизни он не занимался философией, следуй его примеру, и благо тебе будет!»

– Ну вот! – расплылся Руслан в самодовольной улыбке. – Даже древние подтверждают, что я прав. Зачем мозги лишний раз парить?

– Но есть еще одна пословица, – пряча улыбку, сказал Дункан. – Если не напрягать мозги, то вся нагрузка придется на мышцы.

– А что в этом плохого? – неожиданно вспыхнул Руслан. – Уж лучше быть качком, чем таким дохлым умником, как ты. Я вот щас двину тебя легонько, сразу свалишься, никакие мозги тебе не помогут.

– Нет, нет, – виновато сказал Дункан. – Ты не так меня понял. Это я так, к слову. Ты, Руслан, классный мужик, и не раз меня выручал, я это помню. Да, ты прав. Бывают такие обстоятельства, когда могут помочь только мышцы и сила.

Он вздохнул и продолжил.

– Этот участковый мне прохода не дает: где документы, где документы? Я ему ящик поставлю, на какое-то время наступает затишье, а потом опять – где документы, где документы?

– Ну и где твои документы?

– Говорю же, потерял, когда на поезде ехал.

– Выкрали наверно, пока ты о древней Греции размышлял.

– Может и выкрали...

Руслан вылил остатки из бутылки в стакан Дункана: – Давай, пей!

Тот подсел к столу, одним залпом опрокинул стакан и закусил хлебом. Руслан посмотрел на него задумчиво и сказал:

– Меня, знаешь, что в тебе удивляет? Сколько я бичей и бомжей за свою жизнь перевидал, и все сплошь бывшие интеллигенты с высшим образованием. Ты вот тоже приехал откуда-то из России. Откуда, ты говоришь, приехал, из Уфы? Тоже интеллигент без документов, а не спился. Хоть пить умеешь. Почему?

– Не знаю, – пожал плечами Дункан. – Бог миловал.

– А эта, твоя Грачиха, вы с ней окончательно сошлись?

– Надеюсь, да, – пробормотал Дункан.

– Ну, надейся, надейся. Сколько, ты говоришь, у него голов?

– Триста, это без телят.

– А платят как?

– Не жалуюсь. Деньги пока ни разу не задерживали.

– Этот Прохоров, между прочим, мне должен. Как он развернулся, а? Ведь вчера еще сопляком бегал, а теперь фермер.

Дункан вдруг насторожился – до слуха донесся шум открываемой двери. Затем шарканье у порога, заминка, и в дверь вошла Тина с Тимом на руках, который был очень похож на нее нездоровой бледностью и темными кругами глаз, а следом за ними крепко сбитый мальчуган лет восьми, розовощекий, чернобровый и чем-то смахивал на Руслана.

– Ну, щеглы, – повернулся к ним Руслан, – рассказывайте, где побывали?

– Мы были у теть Ани, – пробасил старший.

Младший только хлопал ресницами на огромных глазищах.

– О, этот мир... – пробормотал вдруг Дункан.

– Чего? – удивленно посмотрел на него Руслан.

– О, этот мир, какой измерить мерой ограбленные души и умы?

Не верим от того, что жили верой, не ждем затем, что чуда ждали мы...

– Читаешь здорово! – хохотнул Руслан, затем обратился к жене: – Пожарь нам чего-нибудь, да поскорей!

– Нет, нет, я уже ухожу, – суетливо приподнялся Дункан.

– Куда ты засобирался? – недовольно возразил Руслан. – Успеешь еще к своим коровам.

– Нет, Руслан, правда, мне пора, я и так уже засиделся. Завтра рано вставать, хозяин будет бычков отбирать.

Тем временем Тина раздела мальчика и усадила за отдельный столик. Потом занесла сумки из прихожей, распаковала пакеты с продуктами и рассовала все по шкафчикам и ящикам.

– Я вам сейчас яичницу пожарю, – обратилась Тина к засобиравшемуся Дункану.

– Не затрудняйтесь, не нужно, – заспешил Дункан и вышел в коридор.

Руслан посмотрел на жену.

– Давай-ка быстро чего-нибудь сообрази на стол, живот уже урчит от голода.

– Уже ставлю, – донеслось в ответ. – Тагир, сходи-ка за дровами. Да смотри, побольше щепок набери, а то огонь не скоро разгорится.

Мальчик по имени Тагир накинуд шапку и вышел. Руслан встал из-за стола, потянулся с удовольствием и прошел в соседнюю комнату. Плюхнулся на диван, растянулся на нем и крикнул в открытую дверь:

– Как будет готово, позови!

– У нас мука кончается, – громко сказала Тина. – И в магазине в долг больше не отпускают. Не знаю, что и делать.

В ответ из-за открытой двери донесся храп. Тина подошла к притихшему малышу за столом, тяжело вздохнула и задумчиво посмотрела в окно. Вошел Тагир с охапкой дров в руках и свалил их перед печкой:

– Тина, я полное ведро щепок насобирал, – солидным голосом сказал он.

– Ну, правильно, не принесешь же ты их в горстях. Давай-ка, занеси быстренько ведро.

Через некоторое время огонь весело затрещал, поедая хворост, печь разгорелась, в комнате стало тепло и уютно.

Тагир принес портфель и подсел к столику рядом с малышом. Вытащил учебники, ручки, тетради.

– Вот, – сказал он молчаливому мальчику, – смотри, сколько нам задали задач. А упражнений, знаешь, сколько надо делать?

Он сокрушенно покачал головой.

– Мне даже играть некогда. Тина, я 34-ю задачу не смог вчера решить, а завтра нас спрашивать будут.

– Как управлюсь, посмотрю твою задачу, – отозвалась Тина, нарезая хлеб.

6 ДНЕВНИК

Дункан пришел помочь с покосившимся забором. Руслан в радостном предвкушении предстоящей и вполне заслуженной попойки покрикивал на Тину, отдавал распоряжения Тагиру и всячески изображал бурную деятельность. Тагир бегал от забора к чулану и обратно: то за молотком, то за гвоздями. Если какого-то предмета не находилось, раздраженный Руслан отвечивал племяннику подзатыльник. Невооруженным глазом было видно, с каким нетерпением он стремится покончить с забором и приступить к главному, из-за чего и был затеян весь этот сыр-бор.

Дункан утихомиривал раздраженного Руслана и всячески пытался оградить Тагира от наскоков нетерпеливого дяди. Делал свою работу Дункан основательно. Не обращая внимания на негодующие указания Руслана, он полностью разобрал покосившуюся часть забора, аккуратно отложил доски в сторону и начал рыть две ямы для столбиков. Руслан бегал вокруг, руководил процессом. Забежал в дом.

– Слышь, сходи за парой бутылок, и смотри, китайской не бери, – велел он жене.

Потом помчался к забору:

– Оставь, Дункан, эту чертову рейку, используй вон те железки.

– Тагир, где большие гвозди?

Тина помчалась в магазин, взяла две бутылки пшеничной, хлеб и сахар.

Дома нарезала хлеб, достала банку с соленьями. Взглянув в окно, увидела размахивающего руками Руслана. У Дункана, по всей видимости, были железные нервы, он совершенно не реагировал на критику Руслана и продолжал неторопливо заниматься забором. Ямы со столбиками он залил бетонным раствором, и пока твердел раствор, перебрал доски, откладывая подгнившие в сторону. Тагир тут же унес их на рубку.

– Досок не хватает, – сказал Дункан, что-то прикинув на глаз.

Не говоря ни слова, Руслан стремительно зашагал со двора. Через некоторое время вернулся, ведя за собой мужичонку с копной седых нечесаных волос, настолько густых, что издали их можно было принять за шапку. Мужик был в залатанной фуфайке, с трудом удерживал в руках ворох досок и как-то странно ежился, словно от холодного ветра.

– А, здоров, Хосэ! – увидев вошедшего, поздоровался Дункан. – Как дела?

– Пойдет, – хриплым голосом отозвался тот.

– Вот, посмотри, эти подойдут? – сбросил он доски на землю.

Дункан осмотрел доски и попросил рубанок. Тагир стремглав умчался куда-то.

Руслан потащил мужика за рукав и исчез вместе с ним в доме. Чуть погодя оба вышли довольные. Руслан что-то жевал и хлопал Хосэ по плечу. Мужик перестал ежиться и выглядел повеселевшим. Поболтав с Дунканом, он ушел.

– Да зачем тебе рубанок? – накинулся Руслан на Дункана. – И так сойдет!

– Нет, – не согласился тот, – если делать, так делать.

Наконец, отстроганные доски были подогнаны и забиты рядом с другими досками. Дункан закурил. Прошелся вдоль забора, дошел до калитки и остановился. Что-то не устраивало его в этой калитке, он стал отворять и затворять ее. Калитка жалобно заскрипела.

– Петли нужно смазать, – высказал он свою мысль.

– Хрен с ним, – отозвался Руслан. – Хватит на сегодня. Давай, сворачивайся и заходи!

Дункан не спеша докурил, попытался потрясти обновленный забор – забор стоял намертво. Сложил все инструменты в ящик. Тщательно стряхнул с себя опилки, потопал ногами и вошел в дом вслед за Русланом.

В кухне, играя отблесками пламени сквозь потрескавшуюся плиту, привычно горела печь, а стол был накрыт. Помыв руки, они уселись за стол. От сковороды в центре стола шел аппетитный запах. Рядом стояла тарелка с соленьями.

Руслан разлил из бутылки по стаканам и тут же набросился на еду. Вошел Тагир, умылся и тоже подсел к столу. Тина поставила на стол все необходимое и ушла в соседнюю комнату, оставив дверь приоткрытой.

– А ты чего сюда приехал-то? – неожиданно спросил Руслан.

Дункан вопросительно посмотрел на него.

– Ну, чего ты в эту дыру приехал? – уточнил вопрос Руслан.

– Э-эм... обстоятельства так сложились.

– Какие обстоятельства! Ты ученый мужик, не то, что я – неотесанный колхозник, мне здесь самое место.

– Видишь ли, пока не восстановлю документы, не могу никуда уехать. У меня выбора нет. Да я уже и привык здесь.

– А что ты думаешь насчет ситуации в стране? Когда этот бардак закончится?

– Не скоро. Пока идет расстановка фигур на шахматной доске. Мир – это шахматы: есть доска, есть клетки, есть фигуры белые и черные, и есть те, кто двигает фигуры. Кризисы – экономические, политические, социальные – будут всегда и они необходимы тем, кто управляет фигурами. Ими же они и создаются, искусственно. Миром управлять проще, когда он поделен на клетки – государства, религии и нации. Поэтому приоритетным является провозглашение личного и стадного благополучия, противопоставление одного стада другому и внушение чувства превосходства над другими. Человек, подверженный кризисам, живет в постоянном страхе, а запуганным человеком управлять проще всего. Вот теперь представь, завершился кризис, наступили мир и процветание, рождаются поколения за поколениями, не помнящие о кризисе, а, следовательно, не испытывающие страха. У них появляется независимое мышление, энергия, направленная на беспокойство о хлебе насущном, освобождается, и черт знает, к каким выводам тогда может прийти человек и до чего додуматься. Знаешь, Руслан, у твоего народа есть потенциал, и этот потенциал очень кого-то не устраивает. У кавказцев в крови заложено обостренное чувство чести и собственного достоинства, независимости, неподкупности, как раз те качества, которые угрожают системе шахматной игры. Такими фигурами не так просто управлять.

– И кому мы мешаем? России? Америке?

– Э-э, друг мой, эти тайные силы не имеют лица и всегда остаются в тени. Но зато можно легко просчитать, кто им не угодил, кто не пишется в их систему. Вот ответь, какой народ преследовался на протяжении тысячелетий?

– Евреи что ли?

– Правильно, евреи.

– А ты не еврей?

Дункан засмеялся: – Нет, не еврей.

– Ну, и чем же евреи тайным силам не угодили? Народ вроде не воинствующий, как мы, революционными подвигами не отличается, насколько я знаю.

– Руслан, евреи слишком умные, ими невозможно манипулировать. Они легко различают истину за патристическими лозунгами и военными призывами. А ведь они могут научить этому и другие народы. Поэтому периодически на них путем изоциренной провокации натравливается какая-либо общность людей.

– Интересно рассуждаешь! А еще?

– Русские тоже. На протяжении известной нам истории этот народ преследуют войны и непроходимая нищета. У них обостренное чувство справедливости и тяга к духовному, что тоже не желательно для системы. Но эти же достоинства можно обратить против их обладателя.

Русскую духовность можно загнать в узкие рамки обрядов и ритуалов. То же чувство справедливости довести до абсурда – подкинуть какую-нибудь идею и заставить проливать кровь за нее до изнеможения. Кавказскую горячность превратить в воинствующую агрессию, еврейский ум направить в русло бездушной коммерции и выгоды.

– А что ты о местных думаешь, о казахах?

– Ты удивишься, но это народ, у которого больше всех шансов для процветания и благополучия, потому что они являются счастливыми обладателями генов толерантности и гибкости сознания. А это основные качества, необходимые для развития и, особенно, в наше время. Толерантность позволяет уживаться и сосуществовать с другими культурами и формами жизни, а гибкость сознания восприимчива ко всему новому и приспосабливается к нему. Но как бы ни был мудр этот народ, и на него имеются свои ловушки.

Руслан насытился, расслабился и, облокотившись, лениво грыз зубочистку.

– Вот дураят-то людей! Что те, что эти. И поди различь, где вранье, а где правда.

– Вообще, правду от лжи отличить легко, – ответил Дункан. – Вот, допустим, выясняют отношения два человека. Один из них, исчерпав все аргументы, прибегает к оскорблениям. Это хорошо, если спор будет по интернету, где руки не смогут дотянуться до обидчика. Оскорбление – это форма эмоций, которые управляют человеком. Будь это иначе, и человек мог сам лично контролировать свои эмоции, он не позволил бы им вылиться в нелепую агрессивную форму. А там, где присутствуют эмоции, отключается здравый смысл и логика, а истина искажается. Только не путать чувства и эмоции, это две разные вещи. Во лжи всегда присутствуют эмоции.

Вдруг Дункан полез в карман и зашуршал бумагой, разворачивая газетный лист.

– Вот, Руслан, в этой газете нашел объявление о работе. Сам хотел туда обратиться, но теперь как раз сезон начался на ферме, времени нет. А у вас магазинчик, может жене твоей подойдет.

– Слышь, – позвал Руслан Тину, – посмотри, че там.

Вошла Тина и молча взяла газетный лист. С интересом прочитала обведенное объявление.

– Спасибо, Василий, я попытаюсь туда устроиться.

Из дневника

10 января

Увы, увы! Все эти прекрасные сны, вероятно, посылаются мне для утешения, и они не означают обязательного исполнения. Так что не нужно принимать их близко к сердцу и придавать такое значение, какое придаю я. Снег идет непрерывно уже несколько дней. Каждое утро приходится расчищать тропинки с колотящимся сердцем и болящей спиной. За неимением виноватых в моих моральных и физических мучениях я поношу себя последними словами и признаюсь в своем беспредельном ничтожестве. После вчерашнего сна я вообще выпала в осадок. По-моему, надо мной жестоко издеваются и хохочут до умопомрачения. Это все равно, что испытывать лабораторную мышь током различной силы.

Но всяким надеждам, и тайным, и явным, все-таки приходит конец. Конечно, не в моих силах убить в себе надежду, но я, который уже раз убедившись в безосновательности моих ожиданий, больше ничего не жду от своей жизни и судьбы. Не мы распоряжаемся своей судьбой и не в нашей власти запланировать свою жизнь. Поэтому рад ты или не рад, хочешь или не хочешь, следуй программе, которая дается свыше, и будь добр, благодари каждый день за здоровье и здравый рассудок. И не требуй того, что тебе не полагается. Бесполезно!

25 января

Боже мой! Что же это творится с погодой! Очень похоже на конец света. Я даже Тагира не пустила в школу – буран просто ужасный. Не видать ни зги, невозможно глаз раскрыть, сугробов намело по крыши, и метет, и метет, и метет. Собралась было расчищать тропинки, да потом махнула рукой – бесполезно, через минуту тропинки снова обрастают снегом. Природа просто взбесилась! Сколько в моей жизни было моментов, когда очень хотелось умереть – и не счесть! Сравнивая себя с экспериментируемой мышью, я лыщу себе, я гораздо хуже – я мерзкая, вонючая, гадкая крыса, с которой испытания проводят самыми гнусными методами. Как же я понимаю Цветаеву, когда она писала «Отказываюсь жить...» У меня нет никаких стимулов в жизни, остался один загасающий – мои сны.

Хотелось бы мне знать, есть ли еще аналогичные случаи, как мои семейные отношения? Жить с человеком, которого не только не любишь, но и не уважаешь, это – нонсенс. Каждое воспоминание из нашей совместной жизни вызывает во мне глубокое непреодолимое отвращение. Светлых воспоминаний практически нет. Я прекрасно понимаю, что есть супруги намного хуже моего, но этот факт меня мало утешает – я ничего не могу поделать с собой. Или это тоже входит в серию опытов, производимых надо мной? Но я безнадежно связана семейными узами с человеком, которого едва терплю. И нет никакого просвета.

09 февраля

Какая-то аномальная погода! Все те чудовищные сугробы, что намело за несколько дней, и которые невозможно было убрать, буквально растаяли в эти дни. Температура поднялась до плюс десяти, наша улица превратилась в небольшую речку. А сегодня термометр показывает +20 на солнце. Усилием воли я заставила бури утихомириться в моей душе, и теперь совершенно опустошена и вяла, как выброшенная на берег и выпотрошенная рыба. Ни к чему тонкие чувства человеку, который обречен жить в грубейших условиях. Иначе жизнь его превратится в сущий ад. Чтобы избавиться от душевной боли, я пытаюсь в корне пресечь все размышления и мысли о своей жизни: ни о прошлом, ни о настоящем, ни о будущем. Я – человек, у которого больна душа.

7

ОДНОСЕЛЬЧАНЕ

– Заходи, заходи! – послышался голос, – я дома.

Тина вошла в кухню. На подоконнике сидел толстый кот с глубоко несчастным видом. Хозяйка сидела в кресле перед телевизором, крайне увлеченная событиями, происходящими на экране.

– Вот стерва-то, а! – в сердцах произнесла она. – Что делает-то, что делает! А эти лохи и не видят, что у них под носом происходит. А кто убил Валентина, знаешь? – наконец, повернулась она к вошедшей. – Его племянник! Ой, я давно это подозревала, с самого начала, – сказала она с плохо скрываемым самодовольством в голосе.

Тина вежливо слушала ее и думала, что люди всегда испытывают острый интерес к отношениям, без разницы к каким: к своим, чужим, личным или политическим. Хлебом не корми, а дай повязывать отношения и анализировать их. Все шоу, фильмы и передачи используют эту людскую слабость. А если отношения еще и приправить интригой, то такое шоу будут кушать бесконечно.

– Теть Ань, я к вам по делу...

– Проходи, садись, – оборвала она ее, – о делах успеем еще.

– Что с вашим котом? – Тина подошла к подоконнику и взяла тяжелого кота на руки.

– Мау! – отозвался кот басом и уперся лапами, пытаясь соскочить с рук.

– Ты не поверишь, – сказала тетя Аня, – он у нас недотрога. Мои цыплята остались без насадки, и я занесла их в дом, пока не подрастут. Я еще беспокоилась, что мой Трофим их слопают. А у него, когда их увидел, истерика началась! Он со штор у меня не слезал! Приучила его на свою голову. Сегодня еще и щенка нашла слепого, тоже дома он у меня, вон, видишь в коробке? Так этот урод (при слове «урод» кот пригнул уши), вообще на пол не слезает.

– Плюс ко всему я к нему пристала, – рассмеялась Тина.

– Как твои дела? – убавив звук, спросила тетя Аня. – Твой дорогой гость не приехал еще? Под дорогим гостем имелся в виду Руслан.

– Вот обормот, а? Чего, спрашивается, заводить семью и пропадать неизвестно где. Ну, ты хоть рот раскрывай иногда. Что за бабы вы такие!

– Да, – согласилась Тина, – только это бесполезно.

– К вам Дункан не заходил? – поинтересовалась тетя Аня. – Не знаю, где его найти. И золотые же руки у человека! – восторженно добавила она. – Люська его шляется неизвестно где, как кошка, а он то на работе, то дома что-то мастерит, и пьет в меру. А мой-то, только отвернусь, все из дома тащит. И твой не лучше! Молчи уж! Знаю прекрасно твою семейную жизнь. А Люська-то, какого себе отхватила! Всегда таким паскудницам везет. Ну что он в ней нашел?

Голос женщины становился все более взвинченным.

– Кривоногая, конопатая стерва, да еще какого мнения о себе! Он же ничего на себя не тратит. Все, что заработает, ей отдает. Даже на выпивку особо не тратится, сядет себе потихоньку где-нибудь в углу с книжками и не слышать его. Крылечко мое подгнило, хотела его попросить, чтоб доски поменял. Дома у них который день уже замок висит. Ты его давно видела?

– Он приходит только, когда Руслан дома. А так я его редко вижу. Теть Ань, хотела вас попросить. Я завтра еду в город, можно я мальчишек у вас оставлю?

– Да, конечно, конечно!

– Племянник хорошо присматривает за Тимом, но одних их оставлять боюсь.

– Без разговоров. Приводи их завтра. Слыхала новость? – переключилась тетя Аня на местные события. – Курцы тоже уезжают. Уже поехали визы оформлять. Господи, боже мой! Да кто же здесь тогда останется? Почти никого из нынешних не осталось! А что здесь делать-то – воды нет, работы нет. Лукьянику дети в Россию зовут, сомневается еще. Но я думаю, тоже недолго тут задержится. И вы, если сильно вас прижмет, найдете, куда деться. Мы вот с дедом тут торчать и будем одни. Ох, Господи, Господи! Никогда ничего хорошего не видали. В советские времена хоть работа была, шибко богато не жили, но и не бедствовали. А теперь...! Что делается! У нас же здесь кроме школы ничего не осталось. Все растащили! Как после бомбежки! По телевизору вон показывают у вас в Чечне развалины да руины после войны, а тут что? Что за война? Сволочи они, вот кто!

Когда Тина вышла от словоохотливой соседки, в самом конце улицы появился Зубарь, односельчанин с соседней улицы – человек, в общем-то, мирный и безобидный. Он явно находился в хорошем расположении духа, как бывало каждый раз, когда ему удавалось приложиться к бутылке в обход бдительных глаз своей жены. Душа Зубаря требовала праздника. С ликующим видом он зашагал вдоль по улице, так как испытывал острую нехватку в слушателях. Но при его появлении соседи стали поспешно покидать лавочки и расходиться по домам. Осталась одна подслеповатая баба Катя на скамеечке возле своего дома. Зубарь, разочарованно оглядел опустевшую улицу, потом заметив одинокую бабку, направился к ней и присел рядом. Баба Катя, наконец, разглядела подсевшего к ней и закрихтела, поднимаясь со скамьи.

– Куда ты собралась? – недовольно окликнул ее Зубарь.

– Ох, зайду-ка я в дом, а то сейчас материть меня начнешь.

– Когда я тебя материл? Когда я тебя материл? – уставился возмущенный Зубарь на бабку.

– Ну, не материл, так обматеришь.

– Ну и пошла тогда на хрен, – выпалил Зубарь.

Тина, наблюдавшая эту сцену, постаралась сделаться незаметной и, не привлекая к себе внимания подвыпившего односельчанина, проскочить мимо. К счастью, это ей удалось, так как Зубарь до глубины души оскорбленный поведением бабы Кати, был поглощен своими переживаниями.

8 РАБОТА

На земле не так много людей, предоставленных самим себе без обязательств и необходимости выживать. Не совсем понятно, чем может заниматься эта малоизученная горстка людей, не участвующая в общем процессе жизни и попирающая все представления о нормальном человеке.

Все нормальные нуждаются в признании и внимании, обожании и восхищении, которые заложила в них природа для тяги к совершенству. Но эта тяга мало кем осознается и нередко выливается в чудовищные формы тщеславия. Заложенная эволюцией тяга к совершенству заставляет искать одобрение окружающих, которое тешит самолюбие и лишний раз является подтверждением исключительности и личных достижений, и, следовательно, эволюционного роста.

Еще в раннем детстве, требуя от родителей внимания и почитания, стремясь поскорей вырасти и стать равными им, любой нормальный человек удовлетворяет свою тягу к совершенству. Ребенок, в конце концов, вырастает во взрослого, а взрослый никуда не растет, ему не на кого равняться. Единичные примеры особо не воодушевляют. И тогда, вместо того, чтобы совершенствоваться духовно (ведь духовный рост никто не замечает и не оценит), пытаются расти по вершине роста карьерного или финансового. Где же, в каком месте начинается это искажение? В какой момент человек подменяет поиск настоящих ценностей поиском нелепых вещей? И одновременно загоняет себя в ловушку жизни – дом-семья-работа?

Когда Тине неожиданно предложили эту работу, она согласилась, не раздумывая. Наверное, от безысходности. И у нее просто не было выбора. Знакомые недоумевали, ведь она не получала почти никакой материальной выгоды. Порой даже приходилось скрывать свое занятие – все, что выходило за рамки практической пользы, было выше понимания окружающих. Она понимала, что выглядит в глазах соседей крайне непрактичной и неразумной.

Тина до сих пор так и не увидела своих работодателей. Предложение ей прислали по почте, инструкции появлялись таким же образом, а обучение предполагалось заочное. Какие-то странные тесты, смысл которых до сих пор оставался загадкой для нее, огромное количество разнообразной литературы, которую она должна была проштудировать и законспектировать. Длительность обучения предполагалась в несколько лет. Это был большой срок. И было неизвестно, добивается ли она каких-нибудь успехов. Об этом ей не сообщали.

В тот день, когда пришло письмо от организации с обыденным названием «Букинист», она находилась на пике отчаяния и схватилась за предложение с энтузиазмом утопающего, хватающегося за соломинку, с той лишь разницей, что утопала она в море неразрешимых проблем. Ее ребенок угасал, умирал медленно и мучительно, и она ничего не могла с этим поделать. И не было ни одного человека во всем мире, который мог бы ей помочь. Она разрывалась между больницей и домом, обезумевшая от горя и раздавленная отчаянием. И некуда было бежать, не к кому идти, не у кого просить помощи. Чтобы окончательно не впасть в безумие, она садилась за учебный материал, регулярно приходящий по почте. В каждой книге находились слова, оказывавшие целительный эффект, словно бальзам для души, и давали надежду и утешение. Слова, сказанные великими людьми, были весомыми и воспринимались с большим доверием.

Это был не лучший вариант, но все же лучше, чем ничего. Ее домашняя торговля в лавочке не приносила дохода, одни сплошные убытки и головная боль. Односельчане покупали в долг, под запись. Долги отдавать не торопились, и приходилось время от времени обходить дом за домом и вылавливать должников. Поэтому, когда в ответ на свои звонки по адресу, который ей дал Дункан, она получила предложение о волонтерстве, Тина воспрянула духом.

Международная просветительская организация «Букинист» предлагала обучение и предоставляла весь необходимый учебный материал.

Сначала Тина долго размышляла и терялась в догадках. В чем же подвох? Возникла куча вопросов. Неужели такой солидной организации нужно давать объявления в газете? Пусть плата, которую они обещают и небольшая, но сейчас безработными, которые согласятся на любую работу и на любых условиях, хоть пруд пруди. И почему странные работодатели не боятся посылать незнакомому человеку книги, удовлетворившись лишь копиями с документов? Да и пересылка денег стоит. Какую выгоду они извлекают из этого? Но даже в том случае, если бы организация была благотворительной, форма ее была довольно необычной, так как целью являлось распространение книг определенного уровня. Книги, которые предстояло изучить и распространить, были достаточно серьезными и, в основном, это была классическая литература. И потом, размышляла она, как они смогут проверить, действительно ли я распространяю книги? Она ведь могла и схитрить, отчитаться, что книги не удалось сбыть, ведь независимо от этого факта, ее вознаграждение оставалось в силе. Устав ломать голову над методами этой таинственной организации, она добросовестно выполняла свою работу.

Работа оказалась не из легких. В поселке ее вообще на смех подняли: а, ты к тому же еще и читаешь! Помилуй, какие книги! Где бы денег достать на муку да на хлеб. А ты со своими книгами!

В райцентре, который находился в тридцати километрах от их поселка, иногда удавалось что-нибудь сбыть. Мысленно поделив город на пять секторов по дням рабочей недели, она в определенный день посещала соответствующий сектор. Обходила предприятия за предприятиями, большие и малые организации, учреждения и учебные заведения. Вначале она посещала и торговые заведения, но потом поняла, насколько там практичный люд. И если бывало иногда, что иные интересовались литературой, то вовсе не такой, которую она предлагала. Никому не хотелось напрягать мозги и ломать голову над серьезными темами.

Да и альтернатив времяпровождению с книгой у горожан было достаточно много. Торговые центры, кинопарки со зрелищными, кровавыми и веселыми фильмами, телевидение с сотнями каналов для домоседов; шумные клубы; пикники за город с традиционными шашлыком и пьянками до поросычьего визга. Развлечения сводились к одному: набухаться и забыться. Забыться от чего? От страданий из-за несчастной любви? От унижения и ущемления достоинства. Как можно унижить, если стоишь в самом низу, и о каком ущемлении прав может идти речь, если нет этих прав? Забыться... Забыть о том, что был рожден на свет человеком, а превратился в животное. На уровне подсознания все это знают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.